

А.А. Мёдова

Сибирский государственный технологический университет, Красноярск

ИПОСТАСНОСТЬ БОГА И МОДАЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ

Задача данной статьи – последовательное рассмотрение понятий *ипостась* и *модус* с целью анализа перспективы использования этих понятий в рамках интерпретации сознания. Выдвигаемая нами гипотеза заключается в обосновании специфического метода исследования сознания, при котором последнее мыслится в терминах модальности и ипостасности. Для такого обоснования необходим предварительный анализ содержания выдвинутых понятий - модус и ипостась, – а так же уточнение их различия.

Что бы мы ни выделяли в качестве элементов сознания, это, совершенно очевидно, не какие-то разные структурные единицы, это даже не проявления одного объекта, это по существу одно и то же, так как в рамках дискурса сознания практически невозможно отличать предмет от его проявлений. Проявления и есть сам предмет, т.е. сознание является своим действием.

Ж. Делёз считал, что проблема понимания сознания состоит не в том, может ли мыслящий субъект созерцать самого себя, а в том, не является ли сам мыслящий субъект созерцанием, созерцанием в себе самом: «Мы не созерцаем себя, но существуем, лишь созерцая, то есть, приобретая то, из чего приходим. ...Созерцать – значит выманивать» (Делёз Ж., 1998, с. 99). Здесь возникает сравнение с фразой Павла Флоренского относительно триединства: «Истина созерцает Себя через Себя в Себе, но каждый момент этого абсолютного акта сам абсолютен, сам есть Истина» (Флоренский, П.А., 1990, с.48). Иными словами, невозможно отличить созерцание сознания от самого сознания и самосозерцание божественной истины от неё самой, что возвращает нас к нашей главной идее – сознание всегда является одним-единственным объектом, но предстает как некое разнообразие, поскольку его природа ипостасна или модальна. Одни и те же явления могут выглядеть в глазах рефлектирующего разума как различные в зависимости от того, в каком модусе они рассматриваются. Но на деле это один объект – сознание.

Смыслы понятий «ипостась» и «модус» близки, хотя и не тождественны. Модус - это измерение или способ явленности одного и того же объекта, ипостасность – это тождественно-иное, различие без различения, подлинная целостность. Несмотря на троичность божественных ипостасей, они являются единой сущностью, так же и модусы одного объекта являются в определенном смысле одним и тем же объектом. На пересечении понятий «модус» и «ипостась» мы видим возможность постижения тайны сознания. Частичное совпадение этих понятий, благодаря создающейся смысловой многомерности, должно открыть перспективу мышления в искомом направлении.

То, что мы применяем термин «ипостась» применительно к проблеме сознания, перенося его в пространство философской мысли, не является предосудительным с точки зрения христианской этики. Принимая во внимание тот факт, что ипостасность мыслится в богословии как источник личностной природы¹, как абсолютная личность и тайна различия в едином Существе, мы полагаем возможным обращение к данному термину с целью прояснения возможных путей интерпретации сознания. В свое оправдание мы можем сослаться на учение отца Павла Флоренского, развертывавшего свое понимание триединства через понятия Я и Субъект. «Само-доказательность и само-обоснованность Субъекта Истины Я есть отношение к Оно через Ты. Через Ты субъективное Я делается объективным Он, и в последнем имеет свое утверждение, свою предметность как Я. Он есть явленное Я. Истина созерцает Себя через Себя в Себе. Но каждый момент этого абсолютного акта сам абсолютен, сам есть Истина. Истина – созерцание Себя через Другого в Третьем: Отец, Сын, Дух. Таково метафизическое определение сущности само-доказательного субъекта, которая есть, как видно, субстанциональное отношение» (Флоренский, П.А., 1990, с. 48-49). Мы видим, что с Павел Александрович объясняет суть ипостасности через самоотношение субъекта, при этом Субъектом Истины он именуется божественную сущность. Таким образом, ипостаси принимают вид этапов самосозерцания абсолютного Субъекта. (Можно отметить, что этот взгляд в определенном смысле противоречит догматической установке: в богословских трудах подчеркивается, что внутри святой Троицы нет никакого внутреннего процесса, невозможна никакая диалектика трех ипостасей, как невозможно и становление по причине совершенства и вневременности Бога (Лосский, В.Н., 1991, с. 37), хотя Флоренский, очевидно, имеет в виду не процесс, а скорее данность самоотношения.)

Понятие ипостась имеет в христианском богословии три смысловых аспекта, имеющих актуальность также и для проблемы сознания: это тождественное различие, самоотношение и личностность.

Тождественное различие. Триединство Бога, как известно, является одной из сложнейших для рационализации догмой. Проблема в том, что Бог в Троице «нераздельно разделен», т.е. сохраняет единство в троичности. «Истина есть единая сущность в трех ипостасях. Не три сущности, но одна; не одна ипостась, но три. Однако, при всем том, ипостась и сущность – одно и то же» (Флоренский, П.А., 1990, с. 49). Троичность необходима для абсолютного божественного единства.

С целью осмысления и токования этого догмата отцы церкви в начале развития христианства прибегли к двум терминам, изначально бывшим синонимичными – омоусиос (усия) и ипостась. Понятие усия употреблялось еще Аристотелем в смысле индивидуальной «чтойности» предмета,

¹ «В образе мысли восточных отцов ... богословское понятие ипостаси означает скорее не индивид, а личность в современном понимании этого слова» (Лосский, В.Н., 1991, с. 43).

конкретной его сущности, соотнесенной с родовой. Термин ипостась в разговорном греческом языке обозначал существование, простое самостоятельное бытие (Лосский, В.Н., 1991, с. 42). Как видим, эти термины практически совпадали, часто отождествлялись и нагружались значением субстанции. Именно они и были выбраны отцами церкви, в частности Афанасием Великим, для выражения триединства Бога. В результате возникла своего рода «стереоскопичность», объемность понятия. Как говорит П. Флоренский, неверно утверждать, что ипостась означает индивидуальное, а усия – общее, эти термины относятся друг к другу как правое к левому, как предмет и его зеркальное отражение. В богословии выбрана пара слов, совпадающих по содержанию, и обозначаемое ими логически различается лишь относительно – «взаимно, но не в себе, не о себе» (Флоренский, П.А., 1990, с. 52).

То есть усия (божественная сущность) и ипостасность различаются лишь относительно друг друга, сохраняя при этом единство, это некое *внутреннее саморазличение*. Согласно Иоанну Дамаскину, «Сын - не Отец, потому что Отец один, но то же, что Отец. Дух – не Сын, хотя и от Бога, потому что Единородный – один, но то же, что Сын. И Три – единое по Божеству, и Единое – три по личным свойствам, так что нет ни единого, ни трех» (цит. по Лосский, В.Н., 1991, с. 43).

В таком ключе самоотношения многие философы XX века понимали сознание или сущность человека. В качестве примеров можно указать на Сартра, использовавшего в этом смысле термин *для-себя-бытие*, и на Мерло-Понти с его рефлексией временности субъекта в «Феноменологии восприятия».

Итак, отношение усии и ипостаси - это различие, которое возможно лишь как взаимная отсылка одного понятия к другому и назад, как взаимная корреляция, в процессе которой и рождает разность, но она тут же угасает, стоит только ввести в поле сравнения другой, внешний объект. Тогда понятия ипостась и усия опять совпадают. Ипостаси Троицы, т.е. личная сущность Отца, Сына и Духа, не сливаются, но в то же время неразделимы, поскольку «только в единстве Трех каждая ипостась получает абсолютное утверждение, устанавливающее её как таковую» (Флоренский, П.А., 1990, с. 50).

Христианские богословы советуют понимать здесь троичность не как число и не как последовательность, а как *качество*: «Когда это число относится к нераздельно соединенным Божественным ипостасям, совокупность которых всегда равна только единице, тройственное число не является количеством, оно обозначает в Божестве неизреченный его порядок» (Лосский, В.Н., 1991, с. 39). Слово «порядок», однако, в данном случае тоже метафора, т.к. по словам П. Флоренского «в абсолютном единстве Трех нет порядка, нет последовательности. В трех ипостасях каждая – непосредственно рядом с каждой, и отношение двух только может быть опосредо-